

Хонгодоры: проблемы происхождения этнонима и формирования бурятского племени

С. Б. Болхосоев

Восточно-Сибирский государственный институт культуры, г. Улан-Удэ, Россия

Аннотация. Актуальность настоящего исследования обусловлена проблемами этимологии этнонима бурятского племени хонгодоров, недостаточной изученностью его этнических истоков, неопределенностью времени и территории сложения данной группы. Доказывается, что возникновение этнонима бурятского племени было связано с этнополитическими процессами. Указывается, что этим объясняется формирование родовой основы, которая до середины XVII в. не представляла собой племенного образования. Отмечается, что изменения в этнической истории хонгодоров происходят во второй половине XVII в. и связаны с военно-политическим влиянием русского государства и инкорпорацией западномонгольских групп в состав бурят. Определено, что в это время возникают условия для формирования хонгодорского племени на основе местных и пришлых групп ойратского происхождения, которые в период XVIII–XIX вв. создают родовую структуру и принимают общий этноним.

Ключевые слова: буряты, хонгодоры, ойраты, этническая история, этногенез, этноним, племя, родовая группа, мигранты.

Для цитирования: Болхосоев С. Б. Хонгодоры: проблемы происхождения этнонима и формирования бурятского племени // Известия Иркутского государственного университета. Серия Геархеология. Этнология. Антропология. 2020. Т. 32. С. 15–25. <https://doi.org/10.26516/2227-2380.2020.32.15>

Khongodors: Problems of Origin of the Ethnonym and Formation of the Buryat Tribe

S. B. Bolkhosoev

East-Siberian State Institute of Culture, Ulan-Ude, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the consideration of the ethnonym origins and the formation of the Buryat tribe “Khongodor”. The study of this topic is one of the current problems, the resolution of which can clarify some unknown aspects of the ethnogenesis and ethnic history of the Buryats, as well as the origin of its separate local component. This article presents a new version, according to which the emergence of the ethnonym of the Buryat tribe was associated with ethnopolitical processes that took place in the early Buryat community. And this ethnopolitical community was dominated by Bulagats. This was indicated by the etymological analysis of the ethnonym “Khongodor” and the names of the main genera. These names indicate the dependent position of the bearers of these names on the leading Association. It explains the formation of the generic kernel Khongodors presented by these two groups. Its ethnic basis is based on the Oirat component, known in the Buryat tradition as “Segenut” or “Olet”. This ethnic element is also characterized by the presence of a Turkic admixture. This proves the Mongol origin of the Khongodor core. It was part of the early inhabitants of the Western Baikal region and did not represent a tribal formation during the period of Bulagat domination. Changes in the ethnic history of the Khongodors occur in the second half of the 17th century. This aspect is connected with the external factors – the military and political influence of the Russian state and the migration of Mongolian groups to the territory of Buryatia. All this had an impact on the internal structure of the Buryat community. The study proves that due to the Russian influence, which caused a violation of established ties within the Buryat community, conditions for the formation of an ethnolocal Khongodor association arose. From the Khongodors and Mongol groups (Khotogouts, Torgouts, Zungars), the Russian authorities organized an administrative formation that gave rise to the tribal formation. In the process of living together on the same administrative territory, they become aware of unity and form a common genealogical relationship. They take a common name and form a tribe. All this happened in the 18–19th centuries.

Keywords: Buryats, Khongodors, Oirats, ethnic history, ethnogenesis, ethnonym, tribe, tribal group, migrants.

For citation: Bolkhosoev S. B. Khongodors: Problems of Origin of the Ethnonym and Formation of the Buryat Tribe. *Bulletin of the Irkutsk State University. Gearchaeology, Ethnology, and Anthropology Series*. 2020, Vol. 32, pp. 15–25. <https://doi.org/10.26516/2227-2380.2020.32.15> (in Russ.)

*Полные сведения об авторах см. на последней странице статьи.
For complete information about the authors, see the last page of the article.

Введение

Этногенез и этническая история бурят неоднократно становились предметом исследований. В этом плане накоплен значительный научный материал. Но несмотря на это, все еще остаются вопросы, касающиеся происхождения и формирования отдельных бурятских групп. В частности, дискуссия возникает по поводу этнонима, этнических истоков

и родовой структуры племени «хонгодор» (бур. *хонгоодор*), составившего наряду с четырьмя крупными локальными образованиями (булагатами, эхиритами, хоринцами и так называемой группой – селенгинскими бурятами) основу бурятского народа. Данное обстоятельство, прежде всего, обусловлено отсутствием письменных источников (ранее XVII в.), затрудняющим реконструкцию этногенеза и ранней этнической истории бурятского племени. Ввиду этого исследовательские реконструкции преимущественно велись в области интерпретации этнонима. В итоге на данный момент существуют несколько гипотез, которые, тем не менее, хонгодорскую проблему оставляют открытой. Поэтому исследование данной темы является одной из актуальных проблем, разрешение которой позволит осветить некоторые неизвестные стороны прошлого бурятского этноса.

В этой связи нам хотелось бы представить в данной статье и свою точку зрения по хонгодорской тематике. Импульс исследованию придают результаты ряда новых работ в области ранней этнической истории западных (предбайкальских) бурят, в частности булагатов и эхиритов, к которым территориально и в этнокультурном отношении близки хонгодоры. Это же дает основу для выдвижения новой интерпретации отдельных моментов, связанных с прошлым бурятского племени и его этнонимом.

История вопроса

Перед тем как приступить к изложению своего мнения, следует рассмотреть основные материалы изучения хонгодоров, имеющиеся в научной литературе. Так, согласно мнению Д. С. Дугарова, хонгодоры под именем *урсут/урасут* известны с XIII века [Дугаров, 1993, с. 208]. На что имеется возражение у Б. Р. Зориктуева, полагающего, что хонгодоры и урсуты – отдельные этнические группы, образовавшиеся на разных территориях (Прихубсугулье и Горный Алтай), которые, задолго до XVII в. переселившись в Предбайкалье, сформировали единое сообщество [Зориктуев, 2011, с. 153, 159]. Ученого также не убеждает гипотеза Г. Р. Галдановой, предлагающей связать происхождение и имя хонгодоров с хунгиратами, восточномонгольским племенем, которое в период монгольских завоеваний XIII–XIV вв., раздробившись на группы, оказалось на разных территориях, в том числе и в Прибайкалье [Галданова, 1996, с. 83, 93]. Доводом Б. Р. Зориктуева выступает тот факт, что в практически неизменном виде название *хунгират* встречается за тысячи километров от исконного своего ареала в родоплеменной номенклатуре тюркоязычных народов – узбеков, казахов, ногайцев, киргизов и др., а у бурят, монголоязычного этноса, оно приобрело не свойственную носителям лексическую форму *хонгоодор* [Зориктуев, 2011, с. 151]. Кстати, хунгираты (в виде хонхирад) как родовая группа представлены среди аларских хонгодоров, но по генеалогической традиции связаны с другим бурятским объединением (икинат-зунгарской группой) [Балдаев, ф. 36, оп. 1, д. 828, л. 4, 88]. Следовательно, увязка имени *хонгоодор* с этнонимом *хунгирад* и идея происхождения бурятского племени от восточномонгольского этнического компонента признаются неудовлетворительными.

Тем не менее Б. Р. Зориктуев и Д. С. Дугаров едины во мнении, что корни хонгодоров восходят к древним тюркским этносам Саяно-Алтайского края. Основанием для этой версии выступает тотемическое воззрение хонгодоров, связанное с культом лебедя, распространенный у тюркоязычных народов указанного региона. Это послужило аргументом интерпретации этнических корней, а главное – этнонима. Согласно реконструкции Д. С. Дугарова, племенное название, разложимое на три тюркских компонента *хон* (от кун «солнце») + *гоо* (от куба «лебедица») + *дор* (суффикс множественности), расшифровывается как «Солнечной Лебедицы потомки» [Дугаров, 1993, с. 218, 230]. Но предложенный вариант интерпретации этнонима не нашел общего признания, и, следовательно, поиск его значения продолжился.

Автором следующей трактовки этнонима выступил Б. З. Нанзатов. Племенное название ученый связывает с древнетюркскими терминами *qonur* и *dar*, утратившими при

слиянии в первом слове согласный -г и развившимися в лексему *qoŋōdor* ~ *хонгоодор*, понимаемую как «каурий». Однако с чем этот цветовой маркер связан, с каким объектом, на то исследователь не дал однозначного ответа. Предположил, что он имеет отношение либо к лошади, либо к быку [Нанзатов, 2005, с. 33].

Другой исследователь хонгодорской темы Е. В. Павлов, касательно версии Б. З. Нанзатова, отметил отсутствие этнографических и фольклорных фактов, свидетельствующих в ее пользу. Тем не менее первый, принимая реконструкцию второго, предложил гипотезу монгольского происхождения этнонима *хонгоодор*, где гипотетичная основа *хонгор* соответствует понятию «светлый, белый» [Павлов, 2006, с. 121]. Тем самым автор данного мнения, подобно точке зрения Д. С. Дугарова, связывает происхождение этнонима с образом лебедя и придерживается того же взгляда, что под именами *хонгоодор* и *урсут* скрывается одно этническое объединение. Последний вывод, как сказано выше, вызывает возражение. Таким образом, представленные точки зрения оставляют открытыми многие вопросы, связанные с образованием бурятского племени, с его этнической и родовой основой и лингвистическим обоснованием этнонима.

Первоначальная этническая основа носителей имени *хонгоодор*

Говоря о хонгодорах, следует подчеркнуть, что первые достоверные сведения о них фиксируются в актах русских служилых людей XVII в., столкнувшихся на территории Предбайкалья с бурятами. Следовательно, корни и история хонгодоров непосредственно связаны с орбитой бурятского этнического ареала. Но встают вопросы: в какое время и каким образом они стали его частью? Естественно, на это ответить сложно, что обусловлено отсутствием достоверных сведений и источников. Из документов XVII в. известны лишь названия групп, пребывавших на юго-западной периферии бурятских кочевий, в числе которых упоминаются и хонгодоры [Долгих, 1953, с. 48, 51]. При этом «центральные» районы занимали булагаты, представлявшие в то время главные силы бурят. По нашим исследованиям, они являлись монгольскими мигрантами, покорившими в конце XV–XVI вв. большую часть населения Предбайкалья и повлиявшими на формирование новых объединений из разбитых и раздробленных групп. Вследствие этого многие из них к началу XVII в. находились в вассальной зависимости от булагатов [Болхосоев, 2018, с. 113].

Полагаем, что то же самое имело место в прошлой истории хонгодоров. В пользу нашей точки зрения говорит их включенность в бурятское сообщество первой половины XVII столетия. Причем они упоминаются в русских документах вместе с теми группами (шошолок, тэртэ, готол и др. [Сборник документов ... , 1960, с. 90, 93]), которые находились под непосредственным влиянием булагатов [Болхосоев, 2018, с. 114, 119]. О зависимом положении также может свидетельствовать, во-первых, устная традиция бурят, в которой, например, прародитель хонгодоров соединен по генеалогической системе родства с основателем булагатов: Хонгодор – второй сын Тугалака [Балдаев, ф. 36, оп. 1, д. 828, л. 31, 71]; во-вторых, этноним.

По первому моменту отметим, что в легендах термины кровного родства «отец – сын», «старший брат – младший брат» не означают действительного кровного родства, а отражают социальную иерархию родов [Скрынникова, 1998, с. 118], где первые – доминирующие/сильные, а вторые – зависимые/слабые. Последнее определение подкрепляется этимологией этнонима. По нашему мнению, наименование *хонгоодор* передает признак придатка, приращения, присоединения. Обоснованием является лингвистический анализ этнонима, представляющий морфемный состав из корня *хонго*, суффикса *-оо* и окончания *-дор*. При этом выделяемый суффикс, по мнению А.Г. Митрошкиной, соответствует окончанию *-гор/-гар/-гэр*, используемому в бурятских словах, обозначающих в подавляющем большинстве внешний вид живого объекта. Например, *мондоо* – *мондо(гор)* «круглый», *морхоо* – *морхо(гор)* «горбатый (о носе)», *онгоо* – *онго(гор)* «раскрытый, зияющий»,

хонтоо – *хонто(гор)* «надутый, обиженный, неприветливый», *шобхоо* – *шобхо(гор)* «конусообразный (о голове)» и т. д. [Митрошкина, 2006, с. 147–148]. Формант *-дор/-дар*, образующий слова от прилагательных, глаголов и существительных [Там же, с. 160], указывает на надлежащий вид, состояние, положение, форму. К примеру, *хубиндар* «под стать кувшину» (*хубин* «сосуд в виде кувшина с носиком», «чан»), *ногоодор* «сочетающийся с зеленью, зеленым цветом» (*ногоо(н)* «зелень, трава, зеленый»), *хайдар* «отвечающий лучшему» (*хай(н)* «лучший»), *дойльдор* «соответствующий шашечной позиции» (ср. *дойбод* «шашки», «шашечный, клетчатый узор» [Шагдаров, Черемисов, 2010а, с. 286]) и т. д.

Что касается корневой основы хонго, то она соотносима с бурятским словом хонги (*хуургэ хонги*), переводимым как «мост» [Шагдаров, Черемисов, 2010б, с. 441, 506], осмысляемым иначе как «прочное скрепленное соединение». С другой стороны, она идентична монгольской лексеме *хонго* «задняя мясистая часть бедра» [Большой академический ... , 2001, с. 95], а слово, образованное с помощью суффикса *-оо* в *хонгоо*, сопоставимо с калмыцкой фразой *хонгā* (~хонгаа) «зад у детей – в детском языке» [Этимологический словарь ... , 2000, с. 58]. Следовательно, лексический вариант хонгоо, имеющий бурятские истоки, вполне может соответствовать по смыслу, содержать понятие «находящийся позади, сзади». И, судя по значению, рассмотренные слова подразумевают определенную часть, которая связана (скреплена) с целым или находится в совмещении с чем-либо. По-другому – «выделяющийся элемент» (или «отличающийся сегмент»), имеющий второстепенную, подчиненную позицию. Таким образом, следует заключить, что этноним хонгоодор, являющийся, по всей вероятности, изначально экзонимом, можно интерпретировать как «задний», «ведомый» и в то же время как «составную часть», «подразделение», «соединение».

В пользу нашего мнения также говорят данные из родословных преданий хонгодоров. Например, по некоторым версиям, прародителем последних считается человек по имени Юнгу, отцом или сыном которого является Хонгодор [Егунов, 2001, с. 4]), по одному из вариантов, разлучившийся с отцом в юные годы [Дугаров, 1993, с. 212]. Здесь относительно имени Юнгу мы находим общее с названием бурятской группы энгут, записанным, к примеру, этнографом М. Малагасаевым как «юнгут» [Малагасаев, ф. 362, оп. 1, д. 25, л. 15] (окончание *-т* является суфф. мн. ч.). При этом имя хонгодорского предка и наименование энгутов, на наш взгляд, семантически соотносимы с тюркским словом *енги* «молодое животное», «щенок», «ребенок», «младенец» [Болхосоев, 2018, с. 115]. Причем эти значения коррелируют со смыслом вышевыявленного этнонима, в котором усматривается ведомый, управляемый элемент, отразившийся в предании юным персонажем. Кстати, этот же момент, на наш взгляд, усматривается в названии «цагатов» или «Саганский», выступавшем ранее, по материалам Б. О. Долгих, дополнительным именем хонгодоров [Долгих, 1953, с. 50], употреблявшемся в значении «ягненок» (сагаан) [Шагдаров, Черемисов, 2010б, с. 136]. Подобный образ, по нашему мнению, в материалах устной традиции бурят и этнонимии связан с этническими группами, представлявшими в прошлом объект захвата, подчинения и присоединения [Болхосоев, 2018, с. 121].

Тем же самым объясняются названия двух главных хонгодорских подразделений – ашхай и ашата. Притом устная традиция хонгодоров последние наименования дает в связке с главным обозначением племени, так как они выступают именами сыновей Хонгодора и первопредков старших родовых ответвлений [Балдаев, ф. 36, оп. 1, д. 828, л. 70]. То есть это может указывать на одновременность возникновения наименований групп и названия их общего объединения. С другой стороны, они выступают дополнениями друг другу, разъясняющими статус носителей этих названий. Так, наименование *ашхай* (*аш(а)хай*), на наш взгляд, восходит к основе *ашаха* «вьючить, навьючивать, грузить», перен. «облагатся налогом» [Шагдаров, Черемисов, 2010а, с. 93–94], приобретшей уменьшительное окончание *-хай* в виде дополнительной частицы *-й*, с бурятского языка переводится как «навьюченный», «притороченный». И тот же самый смысл заложен во втором имени *ашата*, составленном из корня *аша* «зацеп, обвив» [Балдаев, 1970, с. 170] и аффикса принадлежности

-*та/-тай*, на бурятском языке означающем «зацепленный», «оббитый». Словом, в первом и во втором случае выявляется элемент приобретения, приносящий доход.

В связи с этим допускаем, что ввиду семантического единства названий *ашхай* и *ашата* в родословных преданиях отмечается их ротация. Это, в свою очередь, может свидетельствовать об общем происхождении двух родовых групп, которых можно отнести к исконным носителям имени *хонгоодор*, составившим ядро хонгодорского племени. В подтверждение приведем текст шаманского призывания, характеризующий эту двухчастную основу: «*Хон шубуун хурялатай, / Сэн шубуун сэмэлгэтэй, / Хори-монгол гарбалитай, / Тэнгэрийн найман хүүхэдэй тарахан / Хоёр отог хонгоодор*» [Галданова, 1992, с. 12] «Лебедю соединенные, / Птицею выщелканные, / С хори-монголами родственные, / Небесных восьми дев потомки / Два рода хонгодоров».

Поэтому, как правило, именно с этих кланов начинается перечисление наименований групп или предков-эпонимов, составивших родоплеменную структуру хонгодорского объединения: 1) Ашхай, 2) Ашата, 3) Холши, 4), Даши, 5) Найдар (Хагта), 6) Нашан (Дүртэн), 7) Бадархан, 8) Боролзой [Балдаев, ф. 36, оп. 1, д. 828, л. 1, 15]; 1) Ашата, 2) Ашхай, 3) Холшо баатар, 4) Ута байма баатар, 5) Даша баатар, 6) Найдар, 7) Нашан (Хагта), 8) Бадархан (Дүртэн), 9) Боолдой [Балдаев, 1960, с. 334].

Генезис этнического ядра хонгодоров

С другой стороны, эти данные указывают не только на первоначальную основу хонгодоров, но также на ее этническую составляющую. Судя по вышерассмотренным именам предков и названиям групп, в ней выявляются тюрко-монгольские компоненты. Обусловлено это расселением хонгодоров в контактной зоне восточносаянского ареала, где издревле соседствуют этнические группы монгольского и тюркского происхождения (к примеру, буряты и сойоты). Такая этническая картина, естественно, предопределяет взаимовлияние и взаимопроникновение культур и этносов. В определенной мере об этом также свидетельствует фольклор. Например, участие тюркского (урянхайского) компонента в этногенезе хонгодоров отмечается в предании так: из девяти сыновей Ашхая, основателя главного хонгодорского рода, семеро считаются рожденными от первой жены Хайрхан, восьмой от второй Найрхан, взятой из урянхайского рода, девятый сын Мотонго был от третьей, происходившей из рода хорчин, прибывшего из Монголии [Балдаев, 2010, с. 286] и ставшего частью булагатского рода хойхо [Нанзатов, 2018, с. 190].

Из сказанного следует, что хонгодоры в этногенетическом отношении разбавлены тюркским элементом, имплицитно проявляющимся на фоне монгольской основы с ойратскими корнями. На последний компонент, известный в устной традиции бурят как сэгэнутский, вероятно, указывает выражение: *Сэлдэ бууһан сэгээнут хоёр тумэн хонгодор* [Жамцарано, 2011, с. 42] «Спустившиеся на воду сэгэнуты две группы многочисленных хонгодоров». Причем в этой фразе определенно существует намек на тотем хонгодоров «лебедь», раскрываемый тем же словом *сэгээнут* «светлые». В этой связи хочется сказать, что указанная птица является самым древним объектом почитания у ойратов и считается прародительницей некоторых племен. Например, в исторических источниках родословную олетских князей ведут от дочери Неба Хан Хормуста-тенгри, которая представлялась в образе лебеда [Эрдэнэболд, 2012, с. 73]. Кстати, именно сэгэнутов в генеалогической традиции бурят по-другому обозначают олетами (*олөд*), частью оказавшимися в Предбайкалье [Хангалов, 2004, с. 70, 75] и, видимо, выступившими этногенетической основой хонгодоров.

Думается, что традиция почитания лебеда ойратами сродни традициям культуры тюркских этносов, с которой многие века находилась в тесных контактах, поскольку историческая родина первых – территория Западной Монголии – непосредственно сообщалась с Саяно-Алтайским нагорьем, являющимся ареалом вторых и к которому примыкало Предбайкалье. И здесь культ лебеда могли привнести как ойратские элементы, так и тюркские, например шошолоки [Болхосоев, 2018, с. 119]. С этим, видимо, связано совместное

упоминание в обрядовых текстах хонгодоров и шошолоков, признающих в качестве мифологического прародителя птицу-лебедь: «*Хоер узуур Хонгоодор, / Хоёр минган Шошоолог, / Хонгоодоори хоёр басаган / Баадан Таадан хоёр*» – «Два корня хонгодоров, / Две тысячи шошолокцев, / Две дочери Хонгодора / Бадан и Тадан» [Балдаев, 1970, с. 307].

Тем не менее в силу этногенетического различия указанных групп, общий мифоним не стал основой для объединения их генеалогий в единое родословное древо (отражавшее бы единую племенную общность). Вместе с тем очевидной является двухкомпонентность хонгодорской основы, сформировавшаяся в орбите раннебурятской общности и представлявшая одно из вассальных подразделений унгинских булагатов, известных в устной традиции бурят как болотская группировка, а в исторических документах как «большие братья». В XVII в. они под своей эгидой могли мобилизовать на военные действия большую часть бурятских групп Среднего Приангарья. Это, к примеру, отразилось в отписке якутского воеводы Василия Пушкина, сообщавшей, что в 1647 г. объединенные силы русских служилых людей из Тобольского, Якутского и Верхоленского острогов в бассейне р. Лены, а точнее «с усть Куты к Верхоленскому острожку на полудороге», встретили «воинские брацкие многие люди, человек с 500 и больши», с которыми вступили в большое сражение. Закончилось оно, по записям современника, в результате гибели «...3-х человек добрых брацких мужиков, в том числе брацкого одного лутчево мужика...», возглавлявшего атаки и смены военной тактики со стороны бурят, о которой известили русских эвенки, сообщившие, что «Конготурского роду князец Мукунчак, а с ним многих родов люди Болотского роду да князца Тоная дети, которой взят был в аманаты и сидел в Верхоленском Брацком острожке да тут и пропал, да Сукичи и Сосы князец, да Багул да Дюгудей с людьми своими, да бакушурские люди с верх Уды, да с Оки реки икняжские люди» пошли «на усть Куты к соли твоих государевых всяких русских людей побивать ...» [Сборник документов ... , 1960, с. 63, 100].

Однако на тот момент русские поселенцы «усть Куты» оказались «на Илеме реке», поэтому бурятские соединения, придя туда, никого не застали [Сборник документов ... , 1960, с. 63, 100] и, ограничившись этим, видимо, приняли решение удалиться в свои приангарские степи. Возможно, что одной из причин окончания военных действий послужило выполнение основной задачи, связанной с освобождением болотского предводителя Тоная, представлявшего, скорее всего, влиятельного булагатского вождя. Наталкивают на эту мысль совершенные бурятами акции, вызвавшие уход русского служилого контингента из Верхоленского острога, в силу которого острожный заложник получил возможность освободиться. Доводами также являются мобилизация крупной военной силы локальным объединением бурят, их незначительные потери в живой силе при битве «с полдни до вечера» и свернутая ими после исчезновения «важного» аманата военная деятельность [Сборник документов ... , 1960, с. 63, 100].

Из рассмотренного также следует указать на близость хонгодоров к болотцам, свидетельствующую о их тесных контактах, на то, что, судя по историческому источнику, предводитель «конготуров» при случае мог возглавить объединенные силы приангарских групп бурят, вероятнее всего, согласовав данную функцию со вторыми. Взаимоотношение такого рода, прежде всего, было обусловлено их территориальной близостью и, возможно, вызвано семейно-брачными, родственными узами. Как следствие данных обстоятельств, это нашло отображение в устной традиции бурят, где хонгодоры в отдельных версиях родословных преданий выступают булагатами и соотносят свое происхождение с Бурюха Тургэном [Балдаев, ф. 36, оп. 1, д. 828, л. 31, 114], с предком именно болотцев. Помимо того, причастность хонгодоров к болотцам сказалась на их религиозной системе, в которой установился общий с соседями генеалогический культ Буха-нойона, мифологического прародителя булагатов [Егунов, 1990, с. 158]. Такая традиция, по нашему мнению, могла сложиться у хонгодоров по причине доминирования булагатов и их воздействия на первых продолжительное время. Причем это было вызвано, как нам кажется, изначальной немногочисленностью группы относительно ведущего образования, вследствие этого не способной

противостоять внешнему влиянию. Таковыми, как мы выявили выше, были хонгодорские подразделения – ашхай и ашата, бывшие до сер. XVII в. в зависимости от булагатов.

«Монгольский» компонент хонгодоров

Однако во второй пол. XVII в., в силу военно-политического влияния русских, повлекшего за собой нарушение устоявшихся связей внутри бурятского общества, возникли условия для этнолокального хонгодорского новообразования. К ашхаевцам и ашатаевцам присоединились не только вышедшие из булагатского окружения отдельные родовые группы, например холшиевцы (роснуты) [Болхосоев, 2020, с. 98], но также выходцы из Северо-Западной Монголии – хотогойты, которые, ввиду нашествия на них джунгарского завоевателя Галдан-Бошукту-хана [Окладников, 1937, с. 192, 197], отдельными частями укрылись в пределах Предбайкалья. Можно сказать, что именно хотогойты, отразившись в родословных легендах хонгодоров как ведущий элемент [Балдаев, ф. 36, оп. 1, д. 828, л. 111], оказали влияние на формирование нового объединения бурят. В этом отношении важная роль отводится собственно родоначальнику монгольских переселенцев, именованному Бахаком Ирбановым [Балдаев, ф. 36, оп. 1, д. 828, л. 26], которого можно связать с истоками данного образования. На это, например, указывается в официальных документах Иркутской канцелярии, датированных 1688 и 1690 гг., в которых предводителю хотогойтов поручается «...в своем улусе над прежними братскими староплатежными мужиками и над новыми мунгальскими выходцами смотреть накрепко, чтобы в них шатости и измены не было» [Записки ВСОРГО ... , 1889: 136].

Под «братскими староплатежными» подразумеваются хонгодоры [Балдаев, ф. 36, оп. 1, д. 828, л. 26], холшиевцы [Болхосоев, 2020, с. 98], а под «мунгальскими выходцами» – хотогойты. То есть в конце XVII в. их всех организовали в одну административную единицу. Это послужило объединительным стимулом для осознания этнотерриториального единства, давшего начало племенному формированию и его общей генеалогической структуре. К этому также вполне могли располагать общие ойратские корни и тотемические воззрения. Отметим, что хотогойты тоже являются ойратами [Хойт, 2005, с. 2] и также, видимо, почитали птицу-лебедь [Дугаров, 2013, с. 34]. Но в качестве общего названия примкнувшие группы приняли имя ашхаевцев и ашатаевцев – *хонгоодор*. Во-первых, это обусловлено многочисленностью последних, отмеченной ученым – собирателем хонгодорских родословных С. П. Балдаевым [Балдаев, ф. 36, оп. 1, д. 828, л. 51], и, соответственно, их влиянием. Во-вторых, монгольским мигрантам, вероятнее всего, было известно значение имени хонгодоров, соотносимое с их положением как прикрепленного (русскими властями) к бурятской группе элемента, и потому указанное название ими было воспринято как должное. В-третьих, сторонниками данного наименования являлись преемники Бахака Ирбанова, в частности аларский тайша Баашинхи, настоявший на его употреблении всеми независимо от происхождения родовыми группами возглавляемого им хонгодорского административного образования [Балдаев, ф. 36, оп. 1, д. 828, л. 31, 100].

Тем не менее, анализ родовой структуры данного образования показывает, что не все группы, соединившиеся с хонгодорами, генеалогически оформили свой союз. Общее древо, на наш взгляд, распространялось прежде всего на роды, изначально составившие «Ирбанов улус», – собственно хотогойтскую группу, холшиевцев, ашхаевцев и ашатаевцев. Кстати, тот же самый состав, но только под именами своих родоначальников, фиксируется по данным конца XVII в.: «Ирбанов, Колочиев, Тойбин (Саганский) и Босоголдоев» [Долгих, 1953, с. 50]. Под последними, скорее всего, выступали ашхаевцы и ашатаевцы. Об этом указывает родословная традиция первых, в которой чаще всего, по сравнению со вторыми, среди имен главных предков фигурирует Сагаан, идущий вслед за Хонгодором, но располагающийся перед Ашхаем [Балдаев, 2010, с. 286, 293, 297].

Теперь обратим внимание на родовые группы, которые пополнили вышеуказанный состав. Согласно родословной традиции хонгодоров, они известны под названиями *найдар*

(или *хагта*), *нашан* (или *дуртэн*), *бадархан*, *боролзой* и *боолдой*. Примечательно, что за исключением двух последних родов, торгоутского и зунгарского происхождений [Балдаев, ф. 36, оп. 1, д. 828, л. 64, 99], остальные были хотогойтами [Там же, л. 16, 92, 98, 109, 116], из которых, в частности из подразделения бадархан, вычленился «Ирбанов род», ставший известным под названием «Ута Байма», и выделивший из своей среды многих родоначальников Аларской степной думы [Балдаев, ф. 36, оп. 1, д. 828, л. 100; ф. 36, оп. 1, д. 829, л. 42] и только в одном случае уступивший эту должность представителю рода боролзой [Балдаев, ф. 36, оп. 1, д. 828, л. 49]. При этом всех их собственно хонгодоры считали чужаками (*хари*) [Там же, л. 25, 66] и применяли в отношении них прозвища *хагта* «коровий послед», *дуртэн* «просверленные носы», *бат хара бадархан* «черный-пречерный бадархан», *боод боролзой* «беременный боролзой» [Там же, л. 38, 40, 71], *боолдой* «прислужник».

Это, в свою очередь, может говорить о существовавшей в прошлом внутри этнотерриториального сообщества коалиции во главе с хонгодорами, включавшей боролзоевцев и боолдоевцев. Об этом свидетельствуют предания, в которых последние в составе первых фигурируют на позициях младших поколений. Например, они представлены в образе внука и правнука Хонгодора (сына Ашхая, внука Ашаты) [Там же, л. 46, 49]. И в то же время определенно выделяется хотогойтская группировка, возглавляемая утабайминским/бадарханским родом, собравшим вокруг себя родственные подразделения – найдар и нашан. Впрочем, все это не мешало объединению сторон и выстраиванию единой генеалогии.

Тем не менее неоднородность хонгодорского сообщества нашла отражение в фольклоре, где его два основных компонента (коалиции) представлены в образе братьев: *Хонгодор Хотогойто хоёр аха дуу байхан юм* «Хонгодор и Хотогойто были братьями» [Балдаев, 1960, с. 329]. И, соответственно, они показаны как главные предки, из которых Хонгодор в целом признается общим прародителем. Последнее свидетельствует об образовании хонгодорского этнолокального объединения внутри бурятского социума и о сложившемся у групп данного формирования осознании единства. Все это, на наш взгляд, произошло в хронологических границах XVIII–XIX вв.

Заключение

Таким образом, исследование показывает, что этническая история хонгодоров определяется на два периода – раннебурятский (до середины XVII в.) и русский (конец XVII–XIX вв.). Первый этап прошлого хонгодоров непосредственно связан с историческими моментами булагатского племени, покорившего в конце XV–XVI вв. многие этнические группы Предбайкалья, в частности предков исследуемого формирования, и являвшегося в военно-политическом отношении господствующим объединением среди других племен и народов Прибайкалья (до сер. XVII в.). Следовательно, в то время хонгодоры не представляли собой отдельного племени, а являлись составной частью этнополитического образования, основанного булагатами, о чем указывают выявленные значения этнонима бурятской группы, названий ее главных подразделений, коррелирующие с родословными преданиями. Собственно, в этом этнополитическом социуме произошло формирование ядра будущего хонгодорского племени из частей подчиненного и раздробленного булагатами сэгэнутского/олетского (ойратского) компонента, впитавшего тюркский (урянкайский) элемент.

Вторая фаза этнической истории хонгодоров определялась военно-политическими действиями русского государства, распространившего свое влияние на земли бурят во второй пол. XVII в. и изменившего их внутреннее этнополитическое устройство. В результате этого складывается новое объединение, включившее бывших булагатских вассалов и выходцев из Монголии, являвшихся по преимуществу хотогойтским элементом. Сюда же присоединяются торгоутский и зунгарский компоненты и, соответственно, вовлекаются в общий процесс образования этнолокального формирования с общим самоназванием и самосознанием. Данный процесс происходил на основе этнокультурной и этногенетической

общности, связанной с ойратской составляющей как костяка локального объединения, так и примкнувших к нему групп.

Можно сказать, что хонгодоры – в сущности ойраты, оказавшиеся в силу разных причин в Предбайкалье и подвергшиеся воздействию бурятского этнокультурного компонента. Особенно это сказалось на языке, который, по мнению лингвистов, весьма близок к языку булагатов [Рассадин, 2014, с. 235]. Хотя следует сказать, что хонгодорское ядро, определяемое нами как олетский (сэгэнутский) компонент, представлявший часть ранних насельников Предбайкалья, с другими монголоязычными элементами (булагатами и пр.) к моменту прихода хотогойтов, торгоутов и зунгаров, скорее всего, выступало бурятоязычной группой. Этот фактор, как нам думается, сыграл главную роль в скорой ассимиляции поздних и немногочисленных групп мигрантов. В целом все это свидетельствует о сложном характере процессов формирования племени хонгодоров, отразившихся в этнонимии, родовой структуре, устных преданиях и исторических документах.

Источники

- Балдаев С. П. Буряты. О бурятах племени хонгодор. 1952 г. // Центр восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 828. 140 л.
- Балдаев С. П. Родо-племенная структура тункинских, закаменских, сайгутских и окинских бурят. 1952 г. // Центр восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 829. 106 л.
- Малагасаев М. Предания о Буха ноене, Хурин-шодоре, Шэлдэ Занги, Юнгут. Родословные ольхонских, баяндаевцев, хонгэлдрозцев, эхиритов, янгажинских бурят // Государственный архив Республики Бурятия. Ф. 362. Оп. 1. Д. 25. 26 л.

Список литературы

- Балдаев С. П. Бурят арадай аман зохоолой түүбэри (Устное народно-поэтическое творчество бурят). Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1960. 412 с.
- Балдаев С. П. Родословные предания и легенды бурят. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1970. Ч. 1 : Булагаты и эхириты. 366 с.
- Балдаев С. П. Родословные предания и легенды бурят. Забайкальские буряты. Улан-Удэ : Изд-во БГУ, 2010. 376 с.
- Большой академический монгольско-русский словарь / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М. : Academia, 2001. Т. 4 : X – Я. 532 с.
- Болхосоев С. Б. Этнополитическое пространство бурятского племени «булагат» в XVI–XVII вв. // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. 2018. Т. 25. С. 112–127.
- Болхосоев С. Б. Роснугты: исторические корни бурятской группы и причины утраты этнонима // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2020. № 1 (39). С. 95–100.
- Галданова Г. Р. Закаменские буряты. Историко-этнографические очерки (Вторая половина XIX – первая половина XX в.). Новосибирск : Наука, 1992. 172 с.
- Галданова Г. Р. Хонгодоры – хонгираты? // Монголо-бурятские этнонимы. Улан-Удэ : БНЦ СО РАН, 1996. 83–93 с.
- Дугаров Д. С. К проблеме происхождения хонгодоров // Этническая история народов Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск : Наука, 1993. С. 207–235.
- Дугаров Б. С. Присяяне – Хубсугул: историко-культурные связи и параллели. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2013. 258 с.
- Долгих Б. О. Некоторые данные к истории образования бурятского народа // Советская этнография. 1953. № 1. С. 38–63.
- Жамцарано Ц. Путевые заметки. 1903–1907 гг. / сост. Ц. П. Ванчикова, В. Ц. Лыскова, И. В. Кульганек. Улан-Удэ : Респ. тип., 2011. 264 с.
- Записки ВСОРГО по этнографии. Иркутск, 1889. Т. 1. С. 136.
- Зориктуев Б. З. Актуальные проблемы истории монголов и бурят. М. : Вост. лит., 2011. 278 с.
- Егунов Н. П. Бурятия до присоединения к России. Ч. 1. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1990. 170 с.
- Егунов Н. П. Бурятия до присоединения к России (очерк о социально-экономическом и политическом развитии бурятских племен в XIII–XVII вв.). Ч. 2. Улан-Удэ : Изд-во БГУ, 2001. 148 с.
- Митрошкина А. Г. Личные имена бурят. 2-е изд., испр. и доп. Иркутск : ИГУ, 2006. 363 с.
- Нанзатов Б. З. Этногенез западных бурят (VI–XIX вв.). Иркутск : Радиан, 2005. 159 с.
- Нанзатов Б. З. Иркутские буряты в XIX веке: этнический состав и расселение. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2018. 224 с.
- Окладников А. П. Очерки из истории западных бурят-монголов. Л. : ОГИЗ, 1937. 427 с.
- Павлов Е. В. К этимологии этнонимов уруснут, хонгодор и сагаан // Ономастическое пространство и национальная культура : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (14–16 сентября 2006). Улан-Удэ : Изд-во БГУ, 2006. С. 119–121.
- Рассадин В. И. Особенности языка бурят-хонгодоров // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2014. № 4 (16). С. 227–236.
- Сборник документов по истории Бурятии. XVII век / сост. А. Н. Румянцев, С. Б. Окунь. Улан-Удэ, 1960. Вып. 1. 494 с.
- Скрынникова Т. Д. Божества и исполнители обрядов у монголоязычных народов // Сибирь: этносы и куль-

- туры (традиционная культура бурят). Улан-Удэ : ИПК ВСГАКИ, 1998. Вып. 3. С. 106–161.
- Хангалов М. Н. Собрание сочинений. Улан-Удэ : Респ. тип., 2004. Т. 3. 311 с.
- Хойт С. К. Об этнониме хойт (хойид) // Этнографическое обозрение Online. № 6. 2005.
- Шагдаров Л. Д., Черемисов К. М. Буряад-ород толи. Бурятско-русский словарь. Улан-Удэ : Респ. тип., 2010а. Т. I: А–Н. 636 с.
- Шагдаров Л. Д., Черемисов К. М. Буряад-ород толи. Бурятско-русский словарь. Улан-Удэ : Респ. тип., 2010б. Т. 2 : О–Я. 708 с.
- Этимологический словарь тюркских языков: Обще-тюркские и межтюркские основы на букву «К» / авт. слов. ст. Л. С. Левитская, А. В. Дыбо, В. И. Рассадин. М. : Индрик, 2000. 259 с.
- Эрдэнэболд Л. Традиционные верования ойрат-монголов (конец XIX – начало XX в.). Улан-Удэ : БНЦ СО РАН, 2012. 196 с.

References

- Baldaev S. P. *Buryat aradaĭ aman zokheoloy tyĭbehri (Ustnoe narodno-poehlichesкое tvorchestvo buryat) [Oral folk-poetic creativity of Buryats]*. Ulan-Ude, Buryat book publishing house, 1960, 412 p. (In Russ.)
- Baldaev S. P. *Rodoslovnyye predaniya i legendy buryat. Bulagaty i ekhurity [Pedigree legends and legends of the Buryats. Bulagats and Ekhurits]*. Ulan-Ude, Buryat book publishing house, 1970, 366 p. (In Russ.)
- Baldaev S. P. *Rodoslovnyye predaniya i legendy buryat. Zabaikalskie buryaty [Pedigree legends and legends of the buryats. Transbaikal buryats]*. Ulan-Ude, Buryat State University Publ., 2010, 376 p. (In Russ.)
- Bolkhosoiev S. B. Etnopoliticheskoe prostranstvo buryatskogo plemeni “bulagat” v XVI–XVII vv. [Ethnopolitical space of the Buryat tribe “bulagat” in the XVI–XVII centuries]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Geoarheologiya. Etnologiya. Antropologiya [Bulletin of the Irkutsk State University. Geoarheology, Ethnology, and Anthropology Series]*. 2018, Vol. 25, pp. 112–127. (In Russ.)
- Bolkhosoiev S. B. Rosnuty: istoricheskie korni buryatskoj grupy i prichiny utraty etnonima [Rosnuts: the historical roots of the Buryat group and the reasons for the loss of the ethnonym]. *Problemy sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya Sibiri [Issues of Social–Economic Development of Siberia]*. 2020, Vol. 1 (39), pp. 95–100. (In Russ.)
- Dolgikh B. O. Nekotorye dannye k istorii obrazovaniya buryatskogo naroda [Some data on the history of the Buryat people]. *Sovetskaya etnografiya [Soviet Ethnography]*. 1953, Vol. 1, pp. 38–63. (In Russ.)
- Dugarov B. S. *Prisayanie – Khubsugul: Istoriko-kulturnyye svyazi i paralleli [The Prisayan – Hovsgol: Historical and cultural connections and parallels]*. Ulan-Ude, BSC SB RAS Publ., 2013, 258 p. (In Russ.)
- Dugarov D. S. K probleme proiskhozhdeniya khongodorov [The problem of the origin khongodors]. *Etnicheskaya istoriya narodov Yuzhnoi Sibiri i Tsentralnoi Azii [Ethnic history of the peoples of southern Siberia and Central Asia]*. Novosibirsk, Nauka Publ., 1993. pp. 207–235. (In Russ.)
- Egunov N. P. *Buryatiya do prisoyedineniya k Rossii [Buryatia before joining Russia]*. Ulan-Ude, Buryat book publishing house, 1990, Part 1, 170 p. (In Russ.)
- Egunov N. P. *Buryatiya do prisoyedineniya k Rossii (ocherk o sotsialno-ekonomicheskom i politicheskom razvitiy buryatskikh plemen v XIII–XVII vv.) [Buryatia before joining Russia. This is an essay on the socio-economic and political development of Buryat tribes in the XIII–XVII centuries]*. Ulan-Ude, Buryat book publishing house, 2001, Part 2, 148 p. (In Russ.)
- Erdenebold L. *Traditsionnye verovaniya oirat-mongolov (konets XIX – nachalo XX v.) [Traditional beliefs of Oirat-Mongols (late XIX – early XX centuries)]*. Ulan-Ude, BSC SB RAS Publ., 2012, 196 p. (In Russ.)
- Galdanova G. R. *Zakamenskie buryaty. Istoriko-etnograficheskie ocherki (Vtoraya polovina XIX – pervaya polovina XX v.) [Zakamensk Buryats: Historical and Ethnographic Essays (Mid- to Late 19th – Early to Mid-20th Centuries)]*. Novosibirsk, Nauka Publ., 1992, 172 p. (In Russ.)
- Galdanova G. R. Khongodory – khongiraty? [Khongodors – khongirats?]. *Mongolo-buryatskie etnonimy [Mongol-Buryat ethnonyms]*. Ulan-Ude, BSC SB RAS Publ., 1996, pp. 83–93. (In Russ.)
- Hojt S. K. Ob etnonime hojt (hojid) [About the hojt (hojid) ethnonym]. *Etnograficheskoe obozrenie Online [Ethnographic survey Online]*. 2005, Vol. 6. (In Russ.)
- Khangelov M. N. *Sobranie sochinenii [Collected works]*. Ulan-Ude, Republican printing house Publ., 2004, Vol. 3, 311 p. (In Russ.)
- Levitskaya L. S., Dybo A. V., Rassadin V. I. (Eds.). *Etimologicheskii slovar tyurkskih yazykov: Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na bukvu 'K' [Etymological dictionary of Turkic languages. Common Turkic and inter-Turkic bases with the letter K]*. Moscow, Indrik Publ., 2000, 259 p. (In Russ.)
- Mitroshkina A. G. *Lichnye imena buryat [Personal names are Buryat]*. Irkutsk, Irkutsk State University Publ., 2006, 363 p. (In Russ.)
- Nanzatov B. Z. *Etnogenez zapadnykh buryat (VI–XIX vv.) [Ethnogenesis of Western Buryats (VI–XIX centuries)]*. Irkutsk, Radian Publ., 2005, 159 p. (In Russ.)
- Nanzatov B. Z. *Irkutskie buryaty v XIX veke: etnicheskii sostav i rasselenie [Irkutsk Buryats in the XIX century: ethnic composition and settlement]*. Ulan-Ude, BSC SB RAS Publ., 2018, 224 p. (In Russ.)
- Okladnikov A. P. *Ocherki iz istorii zapadnykh buryat-mongolov [Essays from the history of the Western Buryats-Mongols]*. Leningrad, OGIZ Publ., 1937, 427 p. (In Russ.)
- Pavlov E. V. K etimologii etnonimov urusnut, hongoodor i sagaan [Etymology of the ethnonyms urusnut, khongodor and sagaan]. *Onomasticheskoe prostranstvo i natsionalnaya kultura: materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (14–16 sentyabrya 2006) [Onomastic space and national culture. Materials of the international science-practice conference (September 14–16, 2006)]*. Ulan-Ude, Buryat State University Publ., 2006, pp. 119–121. (In Russ.)
- Pyrubeev G. C. (Ed.). *Bolshoi akademicheskii mongolско-русский словарь [A large academic Mongolian-Russian*

- dictionary*]. Moscow, Academia Publ., 2002, Vol. 4: H – Ya, 532 p. (In Russ.)
- Rassadin V. I. Osobennosti yazyka buryat-khongodorov [Features of the Buryat-khongodor language]. *Vestnik Buryatskogo nauchnogo tsentra Sibirskogo otdeleniya Rossiiskoi Akademii nauk [Bulletin of the Buryat scientific center of the Siberian branch of the Russian Academy of sciences]*. 2014, Vol. 4 (16), pp. 227–236. (In Russ.)
- Rumyantsev A. N., Okun S. B. (Eds.). *Sbornik dokumentov po istorii Buryatii. XVII vek [Collection of documents on the history of Buryatia. XVII century]*. Ulan-Ude, 1960, Vol. 1, 494 p. (In Russ.)
- Shagdarov L. D., Cheremisov K. M. *Buryaad-orod toli. Buryatsko-russkii slovar [Buryaad-orod toli. Buryat-Russian dictionary]*. Ulan-Ude, Republican printing house, 2010a, Vol. 1: A–N, 636 p. (In Buryat; in Russ.)
- Shagdarov L. D., Cheremisov K. M. *Buryaad-orod toli. Buryatsko-russkii slovar [Buryaad-orod toli. Buryat-Russian dictionary]*. Ulan-Ude, Republican printing house, 2010b, Vol. 2: O–Y, 708 p. (In Buryat; in Russ.)
- Skrynnikova T. D. Bozhestva i ispolniteli obryadov u mongoloyazychnykh narodov [Deities and performers have rituals of Mongolian peoples]. *Sibir: etnosy i kultura (traditsionnaya kultura buryat) [Siberia: ethnic groups and cultures (The traditional culture of the Buryats)]*. Moscow, Ulan-Ude, IPK VSGAKI Publ., 1998, Vol. 3, pp. 106–161. (In Russ.)
- Zapiski VSORGO po etnografii [Notes on Ethnography VSORGO]*. Irkutsk, 1889, Vol. 1, 136 p. (In Russ.)
- Zhamtsarano Ts. *Putevye zametki. 1903–1907 gg. [Travel itinerary. 1903–1907 years]*. Ulan-Ude, Republican publishing house, 2011, 264 p. (In Russ.)
- Zoriktuev B. Z. *Aktualnye problemy istorii mongolov i buryat [Aktual problems of the ethnic history of the Mongols and Buryats]*. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2011, 278 p. (In Russ.)

Сведения об авторах

Болхосоев Станислав Борисович

кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой этнологии и народной художественной культуры, Восточно-Сибирский государственный институт культуры; Россия, 670031, г. Улан-Удэ, ул. Терешковой, 1
e-mail: stanislav_bolhos@mail.ru

Information about the authors

Bolkhosoev Stanislav Borisovich

Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Head of the Department of Ethnology and Folk art Culture, East-Siberian State Institute of Culture; 1, Tereshkova st., Ulan-Ude, 670031, Russian Federation
e-mail: stanislav_bolhos@mail.ru